

О Ходасевиче. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

О Ходасевиче. Владимир Владимирович Набоков

(эссе)

Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней. Его дар тем более разителен, что полностью развит в годы отупения нашей словесности, когда революция аккуратно разделила поэтов на штат штатных оптимистов и заштатных пессимистов, на тамошних здоровяков и здешних ипохондриков, причем получился разительный парадокс: внутри России действует внешний заказ, вне России –внутренний. Правительственная воля, беспрекословно требующая ласково-литературного внимания к трактору или парашюту, к красноармейцу или полярнику, т. е. некой внешности мира, значительно могущественнее, конечно, наставления здешнего, обращенного к миру внутреннему, едва ощутимого для слабых, презираемого сильными, побуждавшего в двадцатых годах к рифмованной тоске по ростральной колонне, а ныне дошедшего до религиозных забот, не всегда глубоких, не всегда искренних. Искусство, подлинное искусство, цель которого лежит напротив его источника, то есть в местах возвышенных и необитаемых, а отнюдь не в густо населенной области душевных излиятий, выродилось у нас, увы, в лечебную лирику. И хоть понятно, что личное отчаяние невольно ищет общего пути для своего облегчения, поэзия тут ни при чем, схема или Сена компетентнее. Общий путь, какой бы он ни был, в смысле искусства плох именно потому, что он общий. Но, если в пределах России мудро себе представить поэта, отказывающегося гнуть вью, т. е. достаточно безрассудного, чтобы ставить свободу музы выше собственной, то в России запредельной легче, казалось бы, найтись смельчакам, чуждающимся какой-либо общности поэтических интересов, – этого своеобразного коммунизма душ. В России и талант не спасает; в изгнании спасает только талант. Как бы ни были тяжелы последние годы Ходасевича, как бы его ни томила наша бездарная эмигрантская судьба, как бы старинное, добротное человеческое равнодушие ни содействовало его человеческому угасанию, Ходасевич для России спасен – да и сам он готов признать, сквозь желчь и шипящую шутку, сквозь холод и мрак наставших дней, что положение он занимает особое: счастливое одиночество недоступной другим высоты.

Тут нет у меня намерения кого-либо задеть кадиллом: кое-кто из поэтов здешнего поколения еще в пути и – как знать – дойдет до вершин искусства, коль не загубит себя в том второсортном Париже, который плывет с легким креном в зеркалах кабаков, не сливаясь никак с Парижем французским, неподвижным и непроницаемым. Ощущая как бы в пальцах свое разветвляющееся влияние на поэзию, создаваемую за рубежом, Ходасевич чувствовал и некоторую ответственность за нее: ее судьбой он бывал более раздражен, нежели опечален. Дешевая унылость казалась ему скорей пародией, нежели отголоском его "Европейской ночи", где горечь, гнев, ангелы, зияние гласных –все настоящее, единственное, ничем не связанное с теми дежурными настроениями, которые замутили стихи многих его полуучеников. Говорить о "мастерстве" Ходасевича бессмысленно и даже кошунственно по отношению к поэзии вообще, к его стихам в резкой частности; понятие "мастерство", само собой рожая свои кавычки, обращаясь в придаток, в тень, и требуя логической компенсации в виде любой положительной величины, легко доводит нас до того особого задушевного отношения к поэзии, при котором от нее самой, в конце концов, остается лишь мокрое от слез место. И не потому это грешно, что самые *purs sanglots* (Истинные, настоящие (франц.)) все же нуждаются в совершенном знании правил стихосложения, языка, равновесия слов; и смешно это не потому, что поэт, намекающий в стихах неряшливых на ничтожество искусства перед человеческим страданием, занимается жеманным притворством, вроде того, как если бы гробовых дел мастер сетовал на скоротечность земной жизни; размолвка в сознании между выделкой и вещь потому так смешна и грязна, что она подрывает самую сущность того, что, как его ни зови – "искусство", "поэзия", "прекрасное", – в действительности неотделимо от всех своих таинственно необходимых свойств. Другими словами, стихотворение совершенное (а таких в русской литературе наберется не менее трехсот) можно так поворачивать, чтобы читателю представлялась только его идея, или только чувство, или только картина, или только звук – мало ли что еще можно найти от "инструментовки" до "отображения", – но все это лишь произвольно выбранные грани целого, ни одна из которых, в сущности, не стоила бы нашего внимания и, уж конечно, не вызвала бы никакого волнения, кроме разве косвенного: напомнила какое-то другое "целое" –чей-нибудь голос, комнату, ночь, – не обладай все стихотворение той сияющей самостоятельностью, в применении к которой определение

О Ходасевиче. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru "мастерство" звучит столь же оскорбительно, как "подкупающая искренность". Сказанное – далеко не новость, но хочется это повторить по поводу Ходасевича. В сравнении с приблизительными стихами (т. е. прекрасными именно своей приблизительностью – как бывают прекрасны близорукие глаза –и добивающимися ее также способом точного отбора, какой бы сошел при других, более красочных обстоятельствах стиха за "мастерство") поэзия Ходасевича кажется иному читателю не в меру чеканной – употребляю умышленно этот неаппетитный эпитет. Но все дело в том, что ни в каком определении "формы" его стихи не нуждаются, и это относится ко всякой подлинной поэзии. Мне самому дико, что в этой статье, в этом быстром перечне мыслей, смертью Ходасевича возбужденных, я как бы подразумеваю смутную его непризнанность и смутно полемизирую с призраками, могущими оспаривать очарование и значение его поэтического гения. Слава, признание, – все это и само по себе довольно неверный по формам феномен, для которого лишь смерть находит правильную перспективу. Допускаю, что немало наберется людей, которые, с любопытством читая очередную критическую статью в "Возрождение" (а критические высказывания Ходасевича, при всей их умной стройности, были ниже его поэзии, были как-то лишены ее биения и обаяния), попросту не знали, что Ходасевич – поэт. Найдутся, вероятно, и такие, которых на первых порах озадачит его посмертная слава. Кроме всего, он последнее время не печатал стихи, а читатель забывчив, да и критика наша, взволнованно занимающаяся незаостаивающейся современностью, не имеет ни досуга, ни слов о важном напоминать. Как бы то ни было, теперь все кончено: завещанное сокровище стоит на полке, у будущего на виду, а добытчик ушел туда, откуда, быть может, кое-что долетает до слуха больших поэтов, пронзая наше бытие потусторонней свежестью – и придавая искусству как раз то таинственное, что составляет его невыделимый признак. Что ж, еще немного сместилась жизнь, еще одна привычка нарушена – своя привычка чужого бытия. Утешения нет, если поощрять чувство утраты личным воспоминанием о кратком, хрупком, тающем, как градина на подоконнике, человеческом образе.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!